

ВЫСОКАЯ МУДРОСТЬ ПРОСТОТЫ

К 50-летию Г. В. Свиридова

ИСПОЛНИЛОСЬ пятьдесят лет Георгию Васильевичу Свиридову. Выдающиеся успехи этого музыканта искренне радуют многих поклонников его таланта.

Давно ли пришел в советскую музыку юный курянин, сын народной учительницы и большевика-почтара, замученного денкинциами? Давно ли мы были порадованы неожиданной свежестью пушкинских романсов, сочиненных двадцатилетним Свиридовым, тогда еще студентом Ленинградской консерватории по классу Д. Шостаковича? И вот уже он стал маститым, всесоюзно известным, занял свое очень почетное и независимое место в нашей музыкальной культуре. У него есть уже, если хотите, и своя творческая школа, открывающая очень обнадеживающие перспективы перед русской музыкой ближайшего будущего.

Авторское самоутверждение Свиридова за последние пятнадцать лет было поистине триумфальным. Вокальные циклы на стихи Аветика Исаакяна и Роберта Бернса, поэма «Памяти Сергея Есенина», «Патетическая оратория» на стихи Владимира Маяковского (отмеченная Ленинской премией), музыка к нескольким фильмам, «Курские песни», многочисленные хоры и романсы на слова советских поэтов... Каждый из этих опусов был важной ступенью в становлении смелого мастера, открывшего совсем неведомые пути в музыкальном движении современности.

С именем Свиридова связан своеобразный **Ренессанс ораториальности** в советской музыке 50—60-х годов,

точнее — возрождение песенно-симфонического жанра как особо значимой магистральной линии. Нельзя сказать, что и в прежние годы у нас не бывало удачных содружеств видных композиторов с большой поэзией прошлого и настоящего. Но даже лучшие из них порой шли на случайные альянсы с увя, нестоящими поэтами, бойко поставившими некий «актуальный» стихотворный эрзац. У Свиридова такие компромиссы решительно исключаются: он пишет музыку только на подлинно художественные стихи самой высокой пробы. Стихи становятся для него источником вдохновения, побуждающим и направляющим музыкальную мысль. Интонация стиха рождает характер мелоса, особенности декламации, весь круг выразительных средств. Большая поэзия словно переплавляется в прекрасную и волнующую стихию музыки.

Каждая из крупных вокальных композиций, созданных Свиридовым, — это своего рода портрет поэта, стусок его самых заветных дум, чувств, представлений. Музыка помогает нам по-новому постичь облик Есенина, Бернса, Маяковского, Блока, услышать в их стихах то, что порой оставалось незамеченным и недооцененным. В интерпретации Свиридова мы заново ощутили жаркую истовость и нежнейшую музыкальность Есенина, протестующий пафос и разящий сарказм Бернса; музыка напомнила нам о том, что поэзия Маяковского заключает в себе не только гремевшее ораторское громогласие, но и лирический распев, углубленное раздумье... Не терпится услышать новые, пока еще завершаемые работы Свиридова, напевные поэзией Александра Блока, Бориса Пастернака,

Какими предстанут в его музыкальном прочтении эти выдающиеся поэты XX века?

Пример Свиридова оказался необычайно заразительным. За ним охотно последовала целая плеяда более молодых композиторов к жанру оратории или вокально-симфоническим циклам: Владимир Рубин — с ораториями на стихи Блока, Луговского, Вадима Веселова — с ораторией на Валерия Брюсова. Это плодотворное увлечение перекинулось и в братские республики: напомним о вокальных циклах Огара Тактакишвили, о некоторых опытах молодых эстонцев.

Другая важная заслуга Свиридова связана с его упорным стремлением к новому, вплоть до современного воплощению русской, национальной образности. Есенинский цикл, недавние «Курские песни», многие отличные хоровые миниатюры представляют композитора как подлинного поэта России, тонко чувствующего прелесть ее природы, очарование ее песен, не увядающих и в наш машинный век. Мы никогда не найдем у него поддразнивания «под мужичка», снисходительного опрошения в расчете на художественно отсталых слушателей. Русское у Свиридова, впечатление строгостью вкуса, целомудренной чистотой и сдержанностью чувства. Так постигнуть Россию может лишь человек, смолоту влюбленный в тишину ее полей и перелесков, в скромную красоту ее рек и озер, деревенских изб и церквушек. Но не только «Русь уходящая» звучит в творениях Свиридова: он верно чувствует и атмосферу революционных лет, Россию партизанскую, красногвардейскую, буденовскую. Не забыть отлично вылепленной сцены богатырской молодоты или звонкой партизанской песни в есенинском цикле. Дыханием современности, метко схваченными интонациями советского песенного быта проникнуты многие страницы «Патетической оратории».

Мало кто из музыкантов умеет так же вдумчиво, с такой проникновенной требовательностью вчитываться в русскую литературу, любоваться ее словесной меткостью, неподкупной правдивостью и крепкой житейской

логикой. Гоголь, Лев Толстой, Блок, Горький, Есенин, Твардовский сопровождают Свиридова в труде и пылких исканиях, учат мудрости, советливости, честному критицизму, неприятие пошлости и двоедушия. От них он наследует истовую любовь к простому человеку и непримиримую ненависть к мешанству — особенно к усовершенствованному модернизированному мешанству нынешнего времени. А уж как он неистов в оценках музыкальных пошляков и коммерсантов, загрязняющих наш массовый быт!

Многое в творчестве Свиридова кажется абсолютно противоречащим господствующим тенденциям современной музыки — особенно западной. В век безудержного усложнения ладово-интонационной природы музыки он позволяет себе культивировать простоту высшего ранга, близкую народному творчеству. Нужно обладать большой смелостью, чтобы написать сегодня такую скромную и неброскую партитуру, как «Курские песни», где все кажется предельно прозрачным, словно орнамент народной вышивки, или душевный напев крестьянской матери.

Русская песенность у Свиридова предстает в очень свободном и своеобразном облике. Он находит в ней свежие и далеко еще не исчерпанные ладовые, интонационные, ритмические особенности. Как любовно и бережно передает он прихотливую вариативность русского мелоса, сочетание плавной распевности с естественной интонацией говора — то ораторски звонкого, то интимно проникновенного. Характерны для его музыки скупость, даже аскетичность аккордовых комбинаций, строгий рельеф хоровой инструментовки, тяготение к звончатости, суровой густоте или, наоборот, мягкости, акварельной сдержанности оркестровой палитры.

И все это начисто лишено намеренной архаики или академического формального шегольства: русское у Свиридова воспринимается как живое воплощение сегодняшней Советской России. Чувствуешь, что автор хорошо изучил не только традиции Мусоргского, глубоко им почитаемого, но и опыт Стравинского, Прокофьева, Шостаковича, не говоря уже о народной песне революционной поры. Так отзвуки старинных обрядов и затейливых протяжных мелодий соседствуют у него с железными рит-

мами марша и пламенной митинговой интонацией. Так в прозрачно пастельную ткань, порой напоминающую о пейзажах Левитана или Нестерова, вдруг врываются гулкие набатные звучности, тяжелые колокольные тембры.

Национальная тенденция у Свиридова, конечно же, лишена надменной самоизоляции, старообрядческой ограниченности. Он внимательно следит за всем тем, что происходит сегодня в музыкальном мире. Ему хорошо знакомы современные западные течения — от Карла Орфа до пуантилистов и электроников. Порой он искренне стремится постичь смысл авангардистских экспериментов, понаблюдать ход мысли зарубежных искателей.

Свиридов — интереснейший собеседник, страстный спорщик. Он необычайно охоч до длительных застольных бесед, жарких дискуссий. В этих увлекательных полнотных прениях не стесняются в выборе эпитетов и порой дерзко ниспровергают общепризнанные истины. Поражают эрудиция композитора, его цепкая память, широта общекультурных интересов. Он с большой заинтересованностью и знанием дела может говорить об иконах Рублева и повестях Солженицына, о письмах Блока и о гармониях Мусоргского. У него есть свой пылкий привязанности и столь же непримиримые антипатии. С какой едкой издевкой клеймит он бессмысленное виртуозничество, рассчитанное на слепое поклонение влюб-

ленных обывателей или ремесленную игру в «симфонизм», часто сводимую к аккуратному заполнению академических схем. Иногда в этих суждениях не обходится без полемических крайностей — ну что ж, зато в них неизменно сквозит упрямое нежелание идти по гладко протоптанному тропкам, изводить искусство до холодного ремесла. А уж как зло смеется Георгий Васильевич над современными «мадам Курдюковыми», млеющими от заграничного высшего шика, как сердито обличает он салонное модничанье, крикливый нигилизм, эзотерический жаргон доморощенных «авангардистов». И наоборот, сколько радости вызывает у него появление молодого, яркого певца, талантливое, живоего литератора, одаренного музыканта, способного запечатлеть незамеченные ранее стороны нашей жизни. Помню, как он ликовал, услышав новые вокальные сочинения Веселова, Лазарева, чудесных молодых эстонцев, с какой увлеченностью говорил о замечательном даровании ленинградца Валерия Гаврилина, достигшего необыкновенно самобытного претворения северной крестьянской песенности в недавно прозвучавшей «Русской тетради».

Свиридова трудно представить себе в роли надутого юбиляра, снисходительно выслушивающего постные акафисты поздравительных адресов. Уж очень он не подходит для торжественной «бронзы многолудья». Поэтому хочется в дни его личного праздника высказать несколько доб-

рых пожеланий, которые, думается мне, разделили бы многие любители его музыки.

Первое пожелание касается тех незаконченных опусов Свиридова, которые пока еще заперты в его письменном столе и неизвестны большой аудитории. Их скопилось уже не сколько — начиная от оратории «Декабристы» и кончая недавними циклами на стихи Блока. Они похожи на законсервированные стройки, в которые вложено много сил и энергии, но пока без должной «отдачи». Конечно, художественное творчество — дело крайне деликатное, и автора никогда не следует подгонять. Но наше право, право слушателей — от души пожелать, чтобы незавершенные опусы Свиридова стали, наконец, завершенными и прозвучали с эстрады. Можно не сомневаться, что они обогатят наш музыкальный репертуар.

И еще хочется пометать о том времени, когда беспокойная муза Свиридова сможет переключаться из концертного зала в музыкальный театр, в большую народную оперу. Думается, что путь его от оратории к монументальной музыкальной драме, к синтетическому, широко масштабному действу был бы естественным и плодотворным. Мусоргский — великий эпик русского музыкального театра — давно ждет продолжения своих грандиозных замыслов. Кому, как не Свиридову, дано подхватить эту замечательную эстафету.

И. НЕСТЬЕВ.